

РУССКОЕ ОТРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО СИМВОЛИЗМА

Источник: ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА: СТАТЬИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX - НАЧАЛА XX ВЕКА. - Художественная литература, М., 1989.

OCR: Primus, июль 2007.

Только что вышла любопытная книжка г. Мережковского "О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы" Собственно, этому заглавию соответствует только первая, меньшая половина книжки. Вторая половина состоит из статей о г. Майкове, о Гончарове и о "Преступлении и наказании" Достоевского, кажется, уже раньше где-то напечатанных и не имеющих прямого отношения ни к причинам упадка литературы, ни к ее новым течениям. Возможно даже, что они введены автором в состав книжки единственно для пополнения ее до требуемого цензурным уставом десятилистного размера. Во всяком случае, интерес книжки не в них. Что же касается ее главного содержания, то оно составилось из публичной лекции, читанной г. Мережковским в конце прошлого года. Лекцию эту он через некоторое время повторил ¹ и теперь напечатал, с довольно, по-видимому, значительными дополнениями. Перед нами, значит, произведение обдуманное, автор которого имел достаточно даже чисто внешних поводов для пересмотра и проверки своих мыслей. А ведь есть еще поводы внутренние, вытекающие из сознания важности предмета, о котором идет речь. И г. Мережковский вполне сознает эту важность. Он высоко ценит роль и значение литературы и любит ее настоящею, искреннею любовью. Для него, как он обнаруживается в своей книжке, литература не ремесло и не арена праздной забавы или игры самолюбий, а великое общественное дело, поприще служения высшим человеческим идеалам.

Тем не менее, нисколько не сомневаясь в искренности и добрых намерениях г. Мережковского, можно смело утверждать, что он не воспользовался или очень мало воспользовался представлявшимися ему поводами для пересмотра и проверки своих мыслей.

В книжке не раз попадаются замечания такого рода: "Сущность искусства нельзя выразить никакими словами, никакими определениями" (32). Или: "Идею символических характеров никакими словами нельзя передать" (43). Без всякого сомнения, слово, как и все, что находится в распоряжении человека, ограничено известными условиями. Слова суть только условные знаки идей, вещей и отношений. Но ведь и мысль человеческая поставлена в известные рамки, за пределы которых никаким образом не может выскочить, не свихнувшись, не изменив себе. Правда, рамки эти несравненно шире тех, в которые заключено слово, почему людям и приходится писать иногда целые страницы для выражения одной какой-нибудь мысли. Но весьма часто бывает, что мысль не потому трудно облачается в словесную форму, что нельзя найти слов для ее выражения, а просто потому, что она не созрела для словесного выражения, не выяснилась. И мне кажется, что мысль г. Мережковского очень часто находится в таком положении.

Книжка г. Мережковского начинается очень эффектно. Вот ее первые строки: "Тургенев и Толстой -- враги. Это вражда стихийная, бессознательная и глубокая. Конечно, оба писателя могли стать выше случайных обстоятельств, благодаря которым вражда выяснилась. Но вместе с тем оба чувствовали, что они враги не по своей воле, а по своей природе. Оба, в своем различии столь близкие и дружественные нашему сердцу, они стояли непримиримые друг против друга как великие представители двух первоначальных, вечно борющихся человеческих типов". И тем не менее, дескать, Тургенев перед смертью написал Толстому свое известное глубоко трогательное письмо ², увещавшее "великого писателя русской земли" вернуться на путь литературной деятельности: "на краю гроба Тургенев понял, что сердцу его старинный враг -- ближе всех друзей". Можно бы было, на основании фактических данных, доказать, что собственно Тургенев, несмотря на ссоры с Толстым и на всю личную неприязнь к нему, всегда высоко ценил автора "Войны и мира" как писателя. Но дело не в этом. Я прошу читателя обратить внимание на "стихийность", которую г. Мережковский приписывает неприязненным отношениям Тургенева и Толстого: это -- "представители двух *первоначальных, вечно борющихся человеческих типов*", это -- "враги не по своей воле, а по своей *природе*". Значит, где бы и когда бы ни столкнулись два такие человека -- в России или в Китае, в Англии или во Франции, в XIX или в любом другом веке, -- они фатально, "стихийно" станут во враждебные друг к другу отношения. Пусть эта мысль произвольна, бездоказа-